

На мгновение я оцепенел. Потом подался вперёд, вцепился в его ладонь и, задыхаясь от волнения, сбивчиво пробормотал:

— Ты... ты очнулся! Как ты себя чувствуешь? Где-нибудь болит? — вопросы сыпались один за другим, и я всё крепче сжимал его пальцы, боясь выпустить хоть на миг. — Ты до смерти меня напугал... Пстой, я сейчас призову придворного лекаря!

— Не нужно, — негромко остановил он меня. — Я в порядке.

Вглядевшись в моё лицо, он тихо добавил:

— Тебе плохо. Сначала поешь.

Лишь после этих слов я вспомнил про резкую боль в желудке.

Вспышка радости лишь ненадолго заглушила её, и теперь мучительная резь вернулась с удвоенной силой. Не сдержав тихого стога, я сжал его руку ещё сильнее.

Он попытался подняться, но после стольких дней беспмятства в теле совсем не осталось сил — и он бессильно опустилс обратн на подушки.

— Я в порядке! — поспешно воскликнул я. — Не шевелись, прошу тебя.

Он слабо ответил на рукопожатие, и в его тёмных глазах проскользнула глубокая тревога:

— Сходи поесть.

Он беспокоился обо мне. Сладостное тепло мгновенно затопило сердце, и мучительный спазм в животе, казалось, тотчас утих.

К счастью, глава Палаты государственного этикета, желая засвидетельствовать своё почтение, оставил у дверей дежурных чиновников. Стоило мне отдать распоряжение, как невдолге в палату внесли полный стол изысканных кушаний.

Разумеется, глядеть на жирные мясные и рыбные блюда я не мог, поэтому ограничился пиалой горячего рисового отвара. Когда мягкое тепло разлилось по внутренностям, боль окончательно отступила. Я неторопливо допивал отвар, всё это время ощущая на себе его пристальный взгляд.

Кончики моих ушей вспыхнули густым румянцем.

Казалось бы, я столько ночей провёл в его объятиях, каждый день сжимал его ладони и целовал, меж нами не осталось ни единой тайны... Так отчего же от одного лишь его взгляда к щекам приливает жар?

Отложив пиалу, я смущённо кашлянул, поднялся и присел на край ложа. Нашупав его руку, я сжал её в своих пальцах, но так и не решился поднять глаза.

В то мгновение я до конца постиг суть древних стихов о робости, что охватывает путника при приближении к родному дому.

Тишину нарушил его голос:

— Всё ещё болит?

— Намного лучше, — качнул я головой.

Он продолжал смотреть на меня, не отводя глаз.

Я хотел лишь украдкой взглянуть на него, но, подняв взор, тут же попался в ловушку его тёмных, бездонных глаз, в которых можно было утонуть без остатка.

— Правда, всё прошло... — забормотал я, окончательно сбившись с толку. — Я... я просто вовремя не поел, вот и прихватило. Теперь выпил отвара — и всё в порядке.

— М-м, — тихо отозвался он. — Я запомнил.

— Что именно? — глуповато переспросил я.

— Запомнил, что тебе нельзя пропускать трапезу.

Боги, да о чём он говорит?..

Эти незамысловатые слова звучали слаще любых изысканных речей, что мне доводилось слышать за всю жизнь.

Лицо запылало так, словно к нему приложили раскалённый уголь.

— Как... как ты очнулся? — уводя разговор в сторону, спросил я.

— Услышал, что твоё дыхание сбилось, — ответил он. — Вот и проснулся.

Ах да... Он ведь искущён в боевых искусствах и способен по одному лишь дыханию распознать состояние человека.

«Постой... Но это ведь значит...»

Озарение мгновенно пронзило разум, и я замер, ошеломлённо уставившись на него.

Придворный лекарь уверял, что ему нужен лишь повод — надежда, способная провести его сквозь непроглядный мрак беспмятства.

Он очнулся ради меня.

<http://bllate.org/book/20619/2122949>